

Кабул: тревожное лето 1941 года

(К началу Великой Отечественной войны)

Ю.А. Булатов

В предлагаемой вниманию читателей статье автор на основе ряда новых документов и источников из отечественных архивов (АВП РФ, СВР РФ) раскрывает агрессивные планы фашистской Германии в Афганистане накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны. Автор также анализирует первоначальные формы сотрудничества СССР и Великобритании в Афганистане на этапе становления антигитлеровской коалиции.

После начала Второй мировой войны Афганистан стал объектом изучения специалистами генерального штаба вооруженных сил фашистской Германии. Это было обусловлено принятием руководством III рейха решения об использовании афганского плацдарма для похода на Индию. 18 декабря 1939 г. А. Розенберг направил А. Гитлеру меморандум, в котором предложил использовать Афганистан в случае военных действий против Британской Индии или Советской страны¹.

Начало военным приготовлениям в отношении Афганистана было положено в феврале 1941 г. По приказу Гитлера в состав войск, привлекавшихся к участию в операции «Барбаросса», была введена оперативная группа «Афганистан». Начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер своей директивой № 124/41 утвердил численность этой военной группировки, состоявшей из 3 танковых, 6 горных, 4 моторизованных и 4 пехотных дивизии. 11 июня 1941 г. для офицеров главного командования сухопутных войск (ОКХ) и верховного главнокомандования вооруженных сил III рейха (ОКВ) была разработана директива № 32 о продвижении вермахта через Кавказ на Ближний Восток, в Афганистан и Британскую Индию.

3 июля 1941 г. всем отделам генштаба ОКХ и ОКВ за № 430/41 было разослано указание начать штабную разработку военных операций на пе-

риод после реализации плана «Барбаросса». Задача выхода к границе Индии возлагалась на так называемое соединение «Ф» – моторизованный корпус под командованием генерала Фельми, который формировался в Греции и специально оснащался для действий в субтропических и тропических условиях. Был также установлен срок для создания базы для операции в Афганистане – сентябрь 1941 г.².

Новые вводные определили приоритеты практической деятельности ведомств И. Риббентропа и Ф. Канариса на афганском направлении. По указанию Берлина германский посол в Кабуле Г. Пильгер в беседах с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом стал настойчиво предлагать афганцам начать активные действия по воссоединению с Афганистаном пуштунских племен, проживавших в Северо-Западной пограничной провинции Индии. В окружении немецкого посла также поговаривали, что Германия готова оказать содействие афганскому правительству в расширении его территории за счет Британской Индии в Белуджистане, создав тем самым «афганский коридор» с выходом к морскому побережью³.

В этой связи Полпредство СССР в Кабуле информировало центр, что под влиянием немецких внушений афганское правительство стало обсуждать, правда в своем узком кругу, план воссоединения с Афганистаном территории индийской полосы независимых пуштунских племен,

Булатов Юрий Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

отторгнутых у Афганистана в 1893 г. англичанами. Реализация этого плана, как сообщал советский посол, ставилась в связь с успехами фашистской Германии на Европейском театре военных действий⁴. 12 марта 1941 г. И. Риббентроп выразил свое согласие признать «новую» афганскую границу по реке Инд, но при условии благоприятного для Германии развития событий в полосе племен. Именно такая благоприятная для германской военизированной обстановки складывалась в полосе индо-афганской границы.

Несмотря на то что англичане сконцентрировали в Северо-Западной пограничной провинции Индии мощную военную группировку, насчитывавшую свыше 500 тыс. человек с танками и самолетами, количество антибританских выступлений племенных объединений афридиев, вазиров, момандов, шинвари и др., численность которых в общей сложности составляла почти 4 млн человек, не сокращалось. В Вазиристане восстание пуштунских племен под руководством Хаджи Мирзы-хана, известного как Факир из Ипи, по сути дела, приобрело перманентный характер и поставило под угрозу сам факт колониального владычества англичан в этом районе Британской Индии⁵.

Для организации всеобщего восстания пуштунов против английских колонизаторов и осуществления блицкрига на афганском плацдарме было решено создать разветвленную агентурно-диверсионную сеть абвера и обеспечить координацию действий немецкой разведки с лидерами антианглийского повстанческого движения пуштунских племен. Однако у немцев на это не было ни времени, ни достаточных сил. В конечном итоге выход был найден. Немцы предприняли попытки воспользоваться агентурной сетью в полосе племен, созданной итальянцами на рубеже 20–30-х гг. XX в. 13 мая 1941 г. проблема сотрудничества Германии и Италии в Вазиристане в связи с восстанием Факира из Ипи обсуждалась на встрече Б. Муссолини с И. Риббентропом. В июне 1941 г. в оперативном порядке абвер и итальянская разведка заключили также соглашение о совместных действиях по подготовке всеобщего восстания пограничных пуштунов против английского колониального владычества.

В канун нападения фашистской Германии на Советский Союз заканчивались последние приготовления немецкой разведки к переброске разведывательно-диверсионных групп абвера в полосу индо-афганской границы. В мае 1941 г. служба Ф. Канариса укрепила кадровый состав германской резидентуры в Кабуле. Ее руководителем стал кадровый сотрудник абвера Р. Расмус (агентурный псевдоним – Карлмай). Он был срочно переведен из германского посольства в Бухаресте в Кабул. Расмус имел некоторый опыт оперативной работы в полосе пуштунских племен, так как ранее, в течение 27 лет, отработал в Индии, занимаясь сбором развединформации и созданием агентурной сети под крышей немецкого коммерсанта в Бомбее, а затем и консула в Калькутте.

В посольстве Германии в Афганистане он был утвержден в должности коммерческого атташе. Одновременно с Расмусом в Кабул в его непосредственное подчинение были направлены старший лейтенант абвера Витцель (агентурный псевдоним – Патан) на должность референта миссии, а также сотрудники абвера радист Дох (агентурный псевдоним – Рахад) и шифровальщик А. Путенбюллер (агентурный псевдоним – Гиссен). Они получили для прикрытия соответственно должности помощника заведующего канцелярией германской миссии и помощника коммерческого атташе. Присвоение агентурных псевдонимов этим новым сотрудникам абвера в Афганистане свидетельствовало о том, что руководство немецкой военной разведки планировало использовать этих агентов не только для работы под крышей Германского посольства в Кабуле, но и не исключало возможности их деятельности и в «полевых условиях». Общее число сотрудников абвера в Кабуле к этому времени составило 15 человек.

Для непосредственной организации немецкой агентурной сети и диверсионной операции в полосе племен под кодовым названием «Пожиратель огня» в Кабул прибыли два немецких агента из полка «Бранденбург»: профессор медицины, специалист по борьбе с проказой М. Обердорффер (старший лейтенант абвера) и энтомолог Ф. Брандт. Планировалось переправить этих диверсантов к Факиру из Ипи, снабдив их большими суммами денег и оружием. Переброска в Афганистан немецких боеприпасов и вооружения общим весом в несколько тонн дипломатической почтой была осуществлена уже агентом абвера Венгером, работавшим в Афганистане представителем организации «Тодта». Для доставки последней партии военного груза, включая коротковолновые передатчики, по территории Турции, Ирана и Афганистана был организован автопробег машин новой модели «фольксваген» якобы для их рекламы и испытаний.

24 июня 1941 г., то есть через два дня после нападения Германии на Советский Союз, из Берлина в Германское посольство в Кабуле поступил приказ о начале операции «Пожиратель огня». Историки российских спецслужб Ю.Л. Кузнец и Ю.Н. Тихонов в своих публикациях свидетельствуют о том, что советская резидентура в Кабуле располагала всеми данными о подготовке и проведении немцами спецоперации «Пожиратель огня»⁶. Однако до сих пор ни в одной из публикаций не раскрываются источники информации советской разведки. Как представляется, одними из главных информаторов советской резидентуры в Кабуле являлись супруги – итальянец Пьетро Кварони и его жена, русская по происхождению Лариса Чагина, которые и сообщили о проведении абвером в Афганистане спецоперации «Пожиратель огня». Советское посольство в Кабуле было информировано, что П. Кварони, будучи послом Италии в Кабуле, являлся также резидентом итальянской разведки в Афганистане. Он, как общепризнан-

ный знаток зоны пуштунских племен, нередко оказывал консультационные услуги советским дипломатам при анализе обстановки в полосе индо-афганской границы.

В дневнике советского посла в Афганистане К.А. Михайлова за период с января по июнь 1941 г. достаточно часто упоминается итальянский посланник П. Кварони. Подробно излагается также содержание бесед этих двух руководителей дипломатических миссий в Кабуле, которые состоялись 26 января, 8 апреля, 10 июня 1941 г. в здании советского посольства, а также 1 мая 1941 г. на приеме в германском посольстве. В ходе беседы в советском посольстве 8 апреля 1941 г., например, П. Кварони рассказал советскому послу, что с момента своего приезда в Афганистан в 1936 г. он начал изучать племенной вопрос, лично посещал стоянки и кишлаки представителей племен мангалов и джаджи близ Кабула. Итальянец даже посоветовал направить атташе Полпредства СССР Н. Мурадова, знавшего персидский язык и внешне неотличимого от представителей восточных народов, в места расселения афганских племен для сбора интересующей советское посольство информации⁷. Необходимо подчеркнуть, что контакты К.А. Михайлова с П. Кварони были прерваны накануне спецоперации абвера «Пожиратель огня».

Следует также отметить, что П. Кварони был и специалистом по России, хорошо знал русский язык. По имеющимся сведениям, этот итальянец в годы Гражданской войны и интервенции в России «путешествовал» по Украине и даже брал интервью у Н. Махно. В 20-х гг. XX в. П. Кварони работал в итальянском консульстве в Тбилиси, а затем и в посольстве Италии в Москве. В 1936 г. этот профессиональный разведчик стал послом Италии в Афганистане. Его жена Л. Чагина, двоюродная дочь царского генерала, покинула Россию в 1928 г. В 1936 г. она появилась в Афганистане уже вместе с П. Кварони в качестве его законной супруги. По утверждению советского посла в Кабуле К.А. Михайлова, Л. Чагина также являлась сотрудницей иностранных спецслужб⁸.

Определить политическое лицо Л. Чагиной по имеющимся в распоряжении автора сведениям не представляется возможным. Доступные документальные источники дают ей взаимоисключающую характеристику. К.А. Михайлов в своей телеграмме в НКВД СССР от 29 июня 1942 г. указывал, что Л. Чагина являлась активной белогвардейкой⁹. В свою очередь, агент абвера Ф.Брандт в своем сообщении, датированном февралем 1942 г., передавал из Кабула в Берлин, что госпожа Кварони «настроена чрезвычайно положительно к России и даже большевикам»¹⁰. Предположение о связях Л. Чагиной с советской разведкой сделал также бывший посланник Германии в Афганистане Г. Пильгер во время своего допроса в Бутырской тюрьме (Москва) 31 января 1946 г. Следователем был задан следующий вопрос: «В телеграмме № 147 вы указываете о том, что жена итальянского посланника Кварони подозревается в шпионской

работе на русских. Скажите, из каких источников вы сообщали в Берлин об этих данных?» Ответ Г. Пильгера: «У меня не было точных сведений о причастности жены Кварони к шпионской работе в пользу русских. Однако в 1941 г. вместе с Витцелем (сотрудник абвера. – Примеч. Ю.Б.) прибыл в Афганистан Вальтер – бывший секретарь Германского посольства в Москве. Вальтер в разговоре со мной сообщил, что когда он работал в Германском посольстве в Москве, то ему было якобы известно о сотрудничестве жены Кварони с советской разведкой. Исходя из этих соображений, я сообщил МИИДу Германии об этом. Других данных о сотрудничестве жены Кварони с советской разведкой у меня не было»¹¹.

Кто она, Л. Чагина? Русская патриотка, советская разведчица или двойной агент спецслужб СССР и Италии? Архивы СВР России на этот счет до сих пор хранят молчание. Следует также отметить, что ныне явно просматривается и возможный канал связи советской резидентуры с Л. Чагиной. В телеграмме советского посла К.А. Михайлова от 29 июня 1942 г., как уже указывалось выше, была дана не только характеристика госпоже Кварони, но также отмечались ее связи в Кабуле. В донесении советского полпреда отмечалось, что жена итальянского посла в Кабуле часто посещает афганского министра двора Ахмед Шаха и входит в число его ближайшего окружения¹².

Эту информацию К.А. Михайлова подтвердил также сотрудник абвера А. Цугенбюллер, работавший в германском посольстве под крышей дипкурьера, а затем помощника коммерческого атташе. В ходе допроса от 20 и 24 сентября 1945 г. в Москве этот немецкий агент подтвердил, что итальянцы в качестве источника информации использовали министра двора Ахмед Шаха, с которым жена Кварони – русская, с ее слов, княгиня – поддерживала дружественные отношения. Жена Кварони, кроме того, часто посещала жен министра двора и жен крупных афганских чиновников и с их помощью собирала интересующую нас информацию, которую через своего мужа П. Кварони передавала немецкому послу Г. Пильгеру¹³.

В то же время, по воспоминаниям ветерана службы внешней разведки РФ генерал-майора Л.П. Костромина, советская разведка в 1935 г. восстановила связь со своим агентом Марьямой, ставшей гражданской женой афганского чиновника высокого ранга Али Мухаммеда – будущего министра двора при короле М. Захир-шахе. С помощью Марьямы, как пишет Л.П. Костромин в книге «Очерки истории Российской внешней разведки», резидентура неоднократно осуществляла акции влияния, решала деликатные вопросы¹⁴.

Супружеская чета профессионалов разведки Кварони отвечала за организацию переброски немецких диверсантов в полосу независимых племен на индо-афганской границе в соответствии с уже упомянутым соглашением, подписанным германскими и итальянскими спецслужбами в июне 1941 г. При личном участии семейства

Кварони был подготовлен безопасный коридор для прохода к индо-афганской границе, а затем в Вазиристан к Факиру из Ипи. Этим «окном» на границе в середине июня 1941 г.да первым воспользовался итальянский разведчик Анцилотти, работавший в Кабуле под крышей советника итальянского посольства. Анцилотти доставил Факиру из Ипи крупную сумму денег и небольшую партию оружия. Л. Чагина непосредственно обеспечивала прикрытие и доставку Анцилотти к индо-афганской границе и его возвращение в Кабул. Таким образом, сотрудникам абвера Л. Чагина продемонстрировала безопасный маршрут для переброски немецких диверсантов.

В конце июня 1941 г. П. Кварони уведомил абвер о своем решении лично сопровождать группу диверсантов во главе с М. Обердорффером и Ф. Брандтом в расположение Факира из Ипи в Вазиристане, используя тот же маршрут. По пути к индо-афганской границе машина итальянского посла с его спутниками была остановлена в Гардезе афганской полицией, и они вынуждены были вернуться в Кабул. Оказалось, что П. Кварони «забыл» уведомить о своей поездке МВД Афганистана. Дело было в том, что после нападения фашистской Германии на СССР руководство Афганистана приняло специальное постановление по вопросу организации путешествий и поездок по стране. Суть этого указа заключалась в том, что разрешение на поездку выдавалось только местными структурами МВД при обращении соответствующих инстанций и при условии, если эта упомянутая инстанция подтверждала необходимость поездки¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, руководство абвера в Кабуле приняло решение отстранить итальянских разведчиков от операции «Пожиратель огня» и самостоятельно провести немецких диверсантов по «итальянскому маршруту». П. Кварони смог «грамотно» отойти от непосредственного участия в операции по переброске немецких диверсантов в Северо-Западную пограничную провинцию Индии, сохранив за собой право, как партнер абвера, получать всю информацию о ходе подготовки операции и о намечаемых сроках ее проведения. В конечном итоге не только в Берлине, но и в Москве знали точную дату и конкретный участок индо-пакистанской границы, где намечалась переброска диверсантов абвера.

Плата за услуги, оказанные супругами Кварони советской разведке, была определена позднее. В 1943 г. П. Кварони, сразу же после падения фашистского режима в Италии, на страницах афганской газеты «Ислах» публично осудил политику Б. Муссолини и подтвердил свою верность королю Италии Виктору Эммануилу III и демократическому правительству Бадольо. Весной 1944 г. П. Кварони – бывший посол фашистской Италии – вместе со своей женой, «активной белогвардейкой», получил агреман от советских властей и был направлен для продолжения своей дипломатической карьеры в Москву в качестве посла Италии в СССР.

Разумеется, утверждение кандидатуры П. Кварони на пост главы Итальянской миссии в Москве могло состояться только с ведома и согласия И.В. Сталина. Интересно также отметить, что П. Кварони, получив столь высокое назначение, счел необходимым именно через Посольство СССР в Кабуле направить телеграмму в адрес главы итальянского правительства Бадольо. В своем послании от 15 апреля 1944 г. он, в частности, писал: «Выражая Вашему Превосходительству благодарность за вверенную мне миссию, уверяю Вас, что сознаю вполне всю важность для нашей страны политики соглашения с Советским Союзом и буду делать все от меня зависящее в этом направлении»¹⁶. Комментарии, как говорится, излишни.

До начала Великой Отечественной войны кабульская резидентура Полпредства СССР в составе пяти кадровых разведчиков с агентурным аппаратом, насчитывавшим всего 15 человек, в одиночку противодействовала немецкой разведке, развернувшей активную деятельность в Афганистане. В результате вероломного нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. изменилось соотношение сил в борьбе с фашизмом как на Западе, так и на Востоке. Германский фашизм стал общим врагом для СССР и Великобритании. Намечалась возможная перспектива для организации совместных действий двух стран в борьбе против фашистской Германии и ее союзников, в том числе и на афганском плацдарме.

23 июня 1941 г. по поручению английского посланника в Кабуле Ф. Тайтлера советское посольство в спешном порядке посетили представители британских спецслужб, а также МИД Великобритании. Сотрудник Интеллидженс сервис майор Флетчер – первый секретарь английской миссии, работавший под крышей пресс-атташе, в беседе с советником полпредства СССР В. Козловым предложил совместными усилиями выдворить немцев из Афганистана, а также выразил свою готовность детально информировать советскую сторону о немецкой активности в Афганистане. Немцы, доверительно заявил Флетчер, неоднократно предлагали афганскому правительству расширить территорию Афганистана за счет СССР и Индии. В тот же день В. Козлов принял своего коллегу – советника английской миссии Халейя. Англичанин также предложил объединить усилия по выдворению немцев из Афганистана¹⁷. Таким образом, в «рабочем порядке» английская сторона инициировала постановку вопроса о возможных совместных действиях СССР и Великобритании против фашистской Германии и других держав «оси» на афганской территории.

2 июля 1941 г. состоялась встреча уже глав дипломатических миссий СССР и Великобритании, аккредитованных в Афганистане. Посланник Ф. Тайтлер посетил полпреда К.А. Михайлова. В своей телеграмме в адрес руководства НКВД СССР советский посол сообщил следующее: «Вчера меня посетил английский посланник

Ф. Тайтлер. Он поставил вопрос о сотрудничестве по выдворению немцев из Афганистана и спрашивал, какова наша позиция по этому вопросу. Заметив, что инициатором постановки вопроса является английская сторона, я заявил, что мы ждем от них конкретных предложений. Вместе с тем я дал понять англичанину, что не вижу принципиальных возражений по установлению более тесного контакта и по сотрудничеству в деле выдворения немцев из Афганистана. Никаких конкретных предложений англичанин пока не внес. Он сообщил, что обратился к своему правительству и в ближайшее время ждет ответа¹⁸.

Эта информация, содержащаяся в шифротелеграммах из Кабула от 24, 25 июня и 3 июля 1941 г., была немедленно доложена наркому по иностранным делам СССР В.М. Молотову, а затем легла на стол председателю Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталину. В это же время в Москве советские руководители в ходе переговоров с послом Великобритании в СССР С. Криппсом обсуждали перспективу создания антигитлеровской коалиции. 27 июня 1941 г. В.М. Молотов дважды беседовал с Криппсом. Первая встреча носила протокольный характер, в ходе которой английский посол представил дипсостав, а также членов военной и экономической миссий. В своей речи С. Криппс выразил сочувствие СССР, подвергнутому нападению, и ограничился неопределенными обещаниями. В.М. Молотов в ходе переговоров сразу же обозначил две ключевые темы:

а) степень военно-политического сближения СССР и Великобритании;

б) масштабы и размеры взаимной помощи.

В свою очередь С. Криппс заявил, что для политического соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало взаимного недоверия от прошлого, и это могло бы задержать немедленные меры практической помощи. По словам английского посла, после установления военно-экономического сотрудничества, которое устранило взаимные подозрения прошлого, обе стороны смогут прийти к сотрудничеству и политическому. В ходе переговоров была также затронута и афганская тема. Было признано необходимым следовать общей политической линии в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе и Афганистана¹⁹. Становилось ясно, что англичане как в Кабуле, так и в Москве действуют по одному сценарию.

8 июля 1941 г. английский посол С. Криппс был принят в Кремле И.В. Сталиным. Председатель ГКО СССР сразу же отметил, что у советского правительства создалось плохое впечатление в связи с непонятной позицией, занятой английским правительством. Руководству СССР, продолжал советский лидер, кажется, что Великобритания не хочет себя связывать с Советским Союзом каким-либо соглашением. И.В. Сталин разъяснил

С. Криппсу, как он понимает соглашение:

1) Англия и СССР обязываются оказывать

друг другу вооруженную помощь в войне с Германией;

2) обе стороны обязываются не заключать сепаратного мира.

10 июля 1941 г. И.В. Сталин повторно принял английского посла С. Криппса, который выразил согласие английской стороны включить вышеперечисленные пункты, обозначенные И.В. Сталиным, в совместное соглашение СССР и Великобритании. В ходе переговоров И.В. Сталина и С. Криппса 8–10 июля 1941 г. получила развитие и афганская тема. Советский лидер заметил, что он читал последнее сообщение, что в разговоре с ним не то посланник, не то военный атташе английской миссии заявил, что необходимо выбросить немцев из Афганистана. Считая высказывания представителя английской миссии мнением английских кругов, И.В. Сталин поставил перед С. Криппсом вопрос о большом скоплении немцев в Афганистане, которые будут вредить Англии и СССР. Сталин спросил, что Криппс считает необходимым предпринять, чтобы выгнать немцев из Афганистана, так как потом это сделать будет трудно. В свою очередь английский посол заявил, что, по его мнению, Молотов должен сделать соответствующее представление афганскому послу. По его словам, когда в Лондоне узнали о передвижении немцев в Афганистане, английское правительство сделало официальное предупреждение афганским властям. С. Криппс обещал также войти в контакт с английским посланником в Кабуле и выяснить вопрос о немцах²⁰. Официальный ответ английского правительства по афганскому вопросу после встречи С. Криппса с И.В. Сталиным откладывался.

18 июля 1941 г. С. Криппс проинформировал В.М. Молотова только о решении индийского правительства принять соответствующие меры в отношении Афганистана с целью выгнать оттуда немцев²¹. Лондон тянул время, хотя общая политическая линия в отношении Афганистана к этому времени уже проявилась в деятельности на афганской территории спецслужб СССР и Великобритании. Они стремились не допустить переброску агентов абвера к Факиру из Ипи. Несмотря на то что советской резидентуре и английским спецслужбам заранее были известны «итальянский маршрут» выдвижения немецких диверсантов, а также дата начала операции «Пожиратель огня» – 19 июля 1941 г., очередной нажим Германии на правящие афганские круги накалил ситуацию до предела.

11 июля 1941 г. министр иностранных дел фашистской Германии И. Риббентроп направил своему посланнику в Кабуле Г. Пильгеру телеграмму с указанием официально предложить афганскому королю М. Захир-шаху сотрудничество с Германией. Он должен был также получить согласие афганской стороны о назначении новым послом Германии в Афганистане Вернера-Отто фон Гентинга. Последний еще в 1915 г. возглавлял немецкую дипмиссию в Афганистане и уже тогда

решал задачу вовлечения Афганистана в войну на стороне немцев. Афганские правящие круги уклонились от предложения об официальном сотрудничестве с III рейхом. Однако афганское правительство было вынуждено согласиться выдать агреман Вернеру-Отто фон Гентингу, который имел большие связи как с афганскими националистическими деятелями, так и с бунтующими племенами на индо-афганской границе. Уступая немцам, кабульские власти также смотрели сквозь пальцы на активную деятельность абвера по привлечению афганской разведки к участию в операции «Пожиратель огня». Немцам удалось добиться даже большего. Свое согласие оказать содействие в проведении этой спецоперации дал командующий Центрального военного округа М. Дауд-хан. Следует также отметить, что в это же время афганский посол в Москве Султан Али-хан всячески убеждал своего английского коллегу С. Криппса, что, кроме немецкой миссии в Кабуле, немцев практически нет²².

19 июля 1941 г. операция «Пожиратель огня» в самом своем начале потерпела крах. По дороге в Вазиристан немецкие диверсанты в сопровождении представителей афганских спецслужб попали в засаду, подготовленную английским спецназом. М. Обердорффер был убит, Ф. Брандт ранен. Последний был незамедлительно доставлен в Пешавар, где стал давать показания сотрудникам английских спецслужб²³. Официальная версия, разработанная англичанами, гласила, что именно благодаря бдительности афганских пограничников был предотвращен вооруженный прорыв неустановленной группы, в состав которой входили немецкие граждане М. Обердорффер и Ф. Брандт. В этой связи английские спецслужбы вскоре передали кабульским властям раненого диверсанта Ф. Брандта, который для прохождения курса лечения был помещен в один из лучших госпиталей близ афганской столицы.

Афганское правительство сочло возможным согласиться с английской версией изложения событий от 19 июля 1941 г., так как это позволяло королевскому режиму сохранить лицо и одновременно ослабить нажим фашистской Германии на правящие круги страны. Согласно телеграмме советского посла К.А. Михайлова от 24 июля 1941 г., руководство министерства иностранных дел Афганистана пригласило посла Германии Г. Пильгера дать официальное разъяснение по поводу инцидента от 19 июля 1941 г. с участием немецких граждан М. Обердорффера и Ф. Брандта. Однако немецкий посол отказался явиться в МИД Афганистана, сказавшись больным²⁴. После окончания Великой Отечественной войны Г. Пильгер, находясь под следствием в СССР, признался: «Чтобы не расшифровывать мероприятия германской военной разведки по заброшке в Индию для подрывной работы Обердорффера и Брандта, я по поводу происшедшего с ними на афганской границе инцидента заявил афганскому правительству протест против «неправильных действий» афганских пограничников в отношении германских «научных работников»²⁵.

В Кабуле в связи с началом расследования дела о немецких диверсантах были проведены аресты среди представителей афганского офицерского корпуса, обвиненных в политических связях с немцами.

20 июля 1941 г., то есть на следующий день после неудачной попытки немецких диверсантов проникнуть в Северо-Западную пограничную провинцию Индии из Афганистана, посол Великобритании в СССР вручил наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову Памятную записку относительно пребывания немцев в Афганистане. В этом документе, в частности, отмечалось, что «правительство Его Величества полностью представляло себе опасность обилия немецких агентов в Афганистане, а время от времени самостоятельно делало усилия – пока что безуспешные – с целью убедить афганское правительство уменьшить количество немцев, проживавших в стране. При обстоятельствах, сложившихся таким образом, правительство Его Величества приветствует предложение, сделанное господином Сталиным относительно совместных действий по оказанию нажима на афганское правительство»²⁶.

Вместе с тем следует отметить, что, поддерживая советское предложение о совместных действиях в Афганистане, английская сторона трактовала их по-своему. В Памятной записке речь шла в первую очередь о проведении не совместных, а параллельных демаршей двух стран в отношении афганского правительства. Текст Памятной записки также свидетельствовал о стремлении англичан взять на себя роль организатора и координатора выступлений СССР и Великобритании на внутривнутриполитической арене Афганистана. В этом английском документе был также представлен возможный вариант параллельного демарша советской стороны в Кабуле, который бы мог иметь следующий вид:

– во-первых, представитель Советского Союза мог бы выразить беспокойство советского правительства в связи с количеством германских граждан, которым афганское правительство разрешило проживать в стране;

– во-вторых, правительству Его Величества кажется желательным ввиду подозрительности позиции афганских властей в отношении так называемых «русских замыслов на афганскую территорию» дать афганскому правительству заверения, что советское правительство, безусловно, желает уважать независимость и территориальную неприкосновенность Афганистана;

– в-третьих, представитель Советского Союза мог бы, как это предлагается, просить афганское правительство принять срочные меры, чтобы избавиться от чрезмерно большой немецкой колонии в Афганистане;

– наконец, он мог бы информировать афганское правительство, что в связи с этим его правительство рассматривает меры, которые оно должно предпринять, чтобы обеспечить свои интересы.

МИД Великобритании в этом документе подчеркивал: «Желательно, чтобы эти предложения были сделаны очень осторожно и лишь с тем, чтобы обеспечить координацию действий Советского Союза и Англии. Чем ближе будет параллельность между демаршами, тем более выразительным он покажется афганскому правительству»²⁷. Английская сторона также информировала НКВД СССР, что правительство Великобритании санкционировало проведение политики постепенного экономического давления на афганские правящие круги.

Эта программа, предложенная англичанами, подразделялась на два этапа:

- поддерживая строго корректные отношения с афганским правительством, правительство Его Величества заменит теперешнюю политику поддержки и помощи политикой, которая будет иметь своей целью стеснить афганское правительство несколькими способами, например:

- а) путем наложения импортного тарифа на афганский хлопок;

- б) путем разрыва ведущихся в данный момент переговоров о покупке афганской шерсти;

- в) путем задержки транзита товаров в Афганистан и из Афганистана через Индию;

- г) путем отказа предоставить портовые средства в Карачи и т.п.;

- наиболее эффективной формой давления, которая, однако, могла бы быть удачной лишь в том случае, если Советское правительство готово поступить таким же образом, будет экономическая блокада Афганистана со стороны индийской границы (должна быть проведена, если Советское правительство согласится совместно с подобного рода блокадными действиями со стороны границы по реке Амударье)²⁸.

В этой связи необходимо также отметить, что первоначальные меры экономического давления на афганское правительство, разработанные англичанами, наносили прежде всего ущерб интересам СССР, нежели Великобритании. Так, английское предложение о наложении импортного тарифа на афганский хлопок привело бы к срыву советско-афганского соглашения о продаже СССР 4 тыс. тонн афганского хлопка, подписанного 12 августа 1941 г. Английская сторона в рассматриваемый период не интересовалась хлопком и никаких закупок этого сельскохозяйственного сырья в Афганистане не производила. Англичане также в перечне санкций указывали на возможность разрыва англо-афганских переговоров о покупке афганской шерсти. Однако следует указать, что к этому времени соглашение между Великобританией и Афганистаном о закупке 500 тонн шерсти было уже подписано, то есть англичане в этом деле экономически никак не пострадали бы. По сути дела, реализация советской стороной английского плана экономического давления на кабульский режим привела бы в одностороннем порядке к ослаблению экономических, а значит, и политических позиций СССР в Афганистане.

Постпредством СССР в Афганистане также была разработана программа возможной экономической блокады Афганистана, которая разительно отличалась от «мягких форм» экономических санкций англичан. Советский документ, направленный в НКВД СССР для передачи англичанам, предусматривал следующие меры:

- срочно добиться вместе с англичанами отказа Ирана и Турции в транзите немецких грузов в Афганистан;

- не пропускать в Афганистан немецкие грузы, находившиеся на советской территории;

- предложить Англии прекратить, а не просто задержать транзит грузов, идущих через Индию в Афганистан;

- отказаться совместно с англичанами от продажи афганцам не только бензина, но и строительных материалов;

- отказаться не только от закупки хлопка, но и шерсти и фруктов;

- расторгнуть английскую сделку на афганскую шерсть, а не прекратить переговоры, так как переговоры и без того англичане прекратили и т.д.²⁹.

Английская сторона приняла к сведению советские предложения, однако оставила их без ответа.

Необходимо также подчеркнуть, что в Памятной записке англичан от 20 июля 1941 г. делался акцент не на сокращении немецкой колонии в Афганистане. Лондон стремился добиться пересмотра решения афганского правительства о выдаче агремана на назначение В. Гентинга немецким послом в Кабуле. 26 июля 1941 г. английский посланник в Кабуле посетил премьер-министра Афганистана М. Хашим-хана и сделал ему представление по поводу назначения нового германского посла. Премьер-министр в свою очередь заявил, что афганское правительство не может что-либо предпринять в отношении В. Гентинга. Вместе с тем 1 августа 1941 г. афганское правительство изменило свое решение с учетом возможных демаршей Великобритании и СССР. Министерство иностранных дел Афганистана уведомило английского посланника о том, что В. Гентинг не приедет в Кабул.

С этого момента англичане временно прекратили давление на афганцев, с тем чтобы выдворить немцев из Афганистана. Глава Британской миссии в Кабуле предложил советскому послу не поднимать вопрос о высылке немцев перед афганским правительством до приезда нового германского посланника. Советская сторона согласилась с этим предложением. Однако Берлин так и не назначил своего нового посла, сохранив этот пост за Г. Пильгером.

Разовые меры афганских властей по пресечению происков фашистской Германии на афганском плацдарме не могли удовлетворить советское руководство, так как речь, по сути дела, шла о несоблюдении афганской стороной долгосрочных соглашений, подписанных между СССР и Афганистаном. В первую очередь это

касалось Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном от 24 июля 1931 г., продленного двумя сторонами в марте 1936 г. сроком на 10 лет. В первую очередь советское руководство было озабочено тем, что кабульские власти после начала Великой Отечественной войны не спешили официально дать оценку вероломному нападению фашистской Германии на СССР. Свою поддержку СССР в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками они выражали исключительно в устной форме в беседах наедине с представителями советского посольства. Например, 23 июня 1941 г. К.А. Михайлов в частном порядке был приглашен в МИД Афганистана. Глава внешнеполитической службы Афганистана Али Мухаммед-хан попросил советского посла рассказать о событиях 22 июня 1941 г., имея в виду войну между СССР и Германией. В ходе беседы Али Мухаммед-хан оценил действия Германии по отношению к СССР как провокационные и агрессивные, подчеркнув исключительно мирную политику Советского Союза. Он также заверил К.А. Михайлова в дружественном расположении афганского правительства и народа к Советскому Союзу и выразил готовность афганского правительства и в дальнейшем продолжать укреплять дружественные отношения между Афганистаном и СССР³⁰. Как отмечал К.А. Михайлов, СССР был кровно заинтересован в публикации афганским правительством декларации о нейтралитете. На его недвусмысленный намек на целесообразность официальной публикации такого рода документа афганский министр ответил, по существу, отказом³¹.

Анализируя обстановку, сложившуюся в Афганистане к этому времени, Посольство СССР в Афганистане сообщало в НКВД СССР, что «афганское правительство, внешне лояльное и дружественное СССР, маскируясь нейтралитетом, в действительности заняло враждебную позицию, нарушая свои договорные обязательства в главном вопросе о недопущении на своей территории враждебной СССР деятельности организаций и отдельных лиц»³².

Советская резидентура в Кабуле также информировала центр о настроениях, царивших в афганских правящих кругах. Преувеличение военной мощи Германии кабульским режимом, говорилось в донесениях советских разведчиков, привело к тому, что почти все члены афганского правительства летом 1941 г. считали, что СССР не сможет долго сопротивляться «непобедимой» немецкой военной машине. Они исходили из того, что Советский Союз ни в военно-промышленном отношении, ни с точки зрения морально-политического единства советского народа не представляет собой силы, способной выдержать войну с Германией³³. Согласно агентурным источникам, среди правящей династии Надиров в Афганистане царил радостное оживление в связи с нападением фашистских агрессоров на СССР. В первые же дни войны король Афганистана М. Захир-шах

выделил крупную сумму денег из своих личных средств на служение благодарственных молебнов, заявляя, что опасность военного нападения СССР на Афганистан миновала. Премьер-министр М. Хашим-хан в своих беседах с близкими ему афганцами говорил о том, что СССР не устоит в войне с Германией, будет побежден, ослабнет и подвергнется расчленению к выгоде Афганистана³⁴.

Кабульские власти официально заявили о своем нейтралитете в военном столкновении СССР и Германии только в конце августа 1941 г. Основной причиной возвращения афганского руководства к своей традиционной политике нейтралитета явилось решение Советского Союза и Великобритании ввести 23 августа 1941 г. свои войска в Иран для предотвращения профашистского переворота³⁵.

Летом 1941 г. немецкая разведка в своей подрывной деятельности против СССР решила прибегнуть к помощи белоэмигрантов – выходцев из Средней Азии после того, как узнала, что англичане, щедро оплачивавшие до этого их работу против Советского Союза, прекратили выплату им денег. В свою очередь белоэмигранты также обратились к немцам с предложением своих услуг. Глава германской миссии в Кабуле Г. Пильгер в телеграмме в Берлин от 4 августа 1941 г., в частности, отмечал: «Местные узбеки обратились... с вопросом, нужны ли и какие именно шаги должны быть предприняты уже сейчас в Узбекистане и других тюркских государствах Советского Союза против большевизма, который стоит перед верной гибелью»³⁶.

Резидентура службы внешней разведки СССР в Кабуле в свою очередь докладывала: «В середине 1941 г. немецкая миссия приступила к организации антисоветской деятельности, имея своей задачей проникнуть в центр Закаспийской области и организовать на территории СССР во всех пограничных с Афганистаном районах русского Туркестана антисоветскую партизанскую борьбу»³⁷. Однако эти планы немецких спецслужб в конечном итоге были сорваны. Советской разведке удалось выявить и нейтрализовать каналы связи немцев с бывшим эмиром Бухары Саид Алим Ханом, лидером туркменской белоэмиграции Кызыл Аяком, руководителем группы басмачей из числа киргизской белоэмиграции Камчибеком, одним из лидеров узбекской белой эмиграции Абдул Керим Ханом и т.д.

Новые задачи перед разведслужбами СССР на афганском направлении в условиях начавшейся войны с фашистской Германией определили необходимость кадровых перестановок в составе советской резидентуры в Кабуле. В июле 1941 г. руководством НКВД СССР на должность резидента внешней разведки был вновь утвержден М.А. Аллахвердов (оперативный псевдоним – Заман), прибывший в Кабул под именем М.А. Алмазова в должности 1-го секретаря советской дипломатической миссии. М.А. Аллах-

вердов имел большой опыт агентурной работы на Среднем Востоке. Ранее он работал руководителем внешней разведки в Иране (1928–1930 гг.), Афганистане (1934–1936 гг.) и Турции (1936–1938 гг.)³⁸. Выбор кандидатуры именно М.А. Аллахвердова на пост главы советской резидентуры в Афганистане определялся масштабом задач, поставленных перед советской разведслужбой. Советская резидентура внешней разведки должна была не только вскрыть разветвленную сеть фашистской агентуры в Афганистане, но и совместно с британскими спецслужбами нанести удары по германской, японской и итальянской разведкам, с тем чтобы предотвратить подготавливаемый нацистами переворот и введение войск вермахта в Афганистан.

5 августа 1941 г. в Москве в ходе переговоров В.М. Молотова с послом Великобритании С. Криппсом была достигнута договоренность о сотрудничестве английской и советской разведок на Среднем Востоке³⁹. Однако англичане не форсировали развитие контактов разведслужб СССР и Великобритании. В первую очередь это объяснялось общим подходом английского руководства к сотрудничеству с СССР на первоначальном этапе Великой Отечественной войны. Суть этой политики Лондона была достаточно откровенно определена послом СССР в Великобритании И.М. Майским. В своей беседе от 27 августа 1941 г. с английским министром иностранных дел А. Иденом он прямо заявил: «Ведь фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем»⁴⁰.

В августе–сентябре 1941 г. англичане в Афганистане, по сути дела, не вели никакой работы против немецких спецслужб, что определялось также и некоторыми субъективными факторами. В августе 1941 г. в посольстве Великобритании была проведена смена руководителя дипломатической миссии. Новый английский посланник Ф. Уайли, работавший ранее политическим советником вице-короля Индии, сменил Ф. Тайтлера, ушедшего в отставку по возрасту. Положение осложнилось также тем, что в сентябре 1941 г. пресс-атташе английского посольства в Афганистане майор Флетчер, отвечавший за сбор информации о деятельности немецких разведслужб и разработку соответствующих контрмер, был выслан из страны афганскими властями.

Однако не субъективные факторы, связанные с кадровыми перестановками в английском посольстве в Кабуле, определяли отсутствие должного контакта спецслужб СССР и Великобритании в Афганистане. Курировавшие афганское направление руководители 1-го Управления НКВД СССР П.М. Фитин и А.М. Отрощенко отмечали: «Англичане пока что создают только

видимость делового контакта с нами и, оперируя либо совершенно утратившими актуальность, либо мало значимыми данными текущего момента, которые не могут в какой-либо мере затронуть область интересов собственно английской разведки, надеются получить от нас правдоподобную и полную информацию по интересующим их вопросам»⁴¹.

Затишье в контактах дипломатических миссий СССР и Великобритании в Афганистане продолжалось недолго. Для англичан ситуация в полосе независимых племен вновь осложнилась. Это было связано с тем, что часть немецкой агентуры после ввода советских и английских войск в Иран благополучно переместилась в Северо-Западную пограничную провинцию Индии. Усилилась также и профашистская пропаганда в полосе афганских племен. Две коротковолновые широкоэвентральные станции в Берлине умышленно распространяли слухи о том, что они работают на индийской территории. Первая радиостанция вещала якобы от имени Индийского национального конгресса, вторая – представлялась рупором Мусульманской лиги.

Особую обеспокоенность у англичан вызвала перехваченная ими 30 августа 1941 г. шифротелеграмма Берлина, направленная немецкому посольству в Кабуле. В этом документе перед службой абвера в Афганистане выдвигалась задача организации взлетно-посадочных площадок в полосе пуштунских независимых племен для приема тяжелых десантных самолетов «Фокке-Вульф-200» «Кондор». Резидент советской разведки в Кабуле М.А. Аллахвердов в своем донесении подтвердил, что Берлин поставил перед немецкими агентами в Афганистане задачу по устройству в Северо-Западной пограничной провинции Индии аэродрома и площадок для приема парашютистов⁴².

И только в сентябре 1941 г. между СССР и Великобританией окончательно была достигнута договоренность о совместных действиях по разоблачению происков III рейха на афганском плацдарме.

Boulatov Y. A. Kabul: Disturbed Summer, 1941.

Summary: In the article, called to the readers attention, the author on the basis of some new documents and sources from the Russian archives (AVP RF, SVR RF) exposes aggressive plans of fascist Germany in Afghanistan on the eve and during the first months of the Great Patriotic War. The author also analyses initial forms of cooperation between the USSR and Great Britain in Afghanistan when the anti-Hitlerite coalition was born. This article may be of interest not only to the Second World War historians, but also to international relations researchers and scientists who study policy and history of Afghanistan in the XXth century.

Ключевые слова

Афганистан, фашистская Германия, агрессивные планы III рейха, И.В. Сталин, Советский Союз, Великобритания, антигитлеровская коалиция.

Keywords

Afghanistan, fascists Germany, aggressive plans of the 3-d Reich, I.V. Stalin, Soviet Union, Great Britain, anti-Hitlerite coalition.

Примечания

1. Л. Безыменский. Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 262.
2. Подробнее см.: Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. 1941–1945. М., 1984 г. Т. 2. С. 27–41.
3. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Королевстве Афганистан К.А. Михайлова в НКВД СССР от 28 июня 1940 г./ Документы внешней политики СССР. М., 1995. Т. XXIII, кн. 1. С. 386.
4. Доклад посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г.». АВП РФ, ф. 06, 1942 г., оп. 4, п. 16, д. 161 л. 10. Секретариат т. В.М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.
5. Отчет Посольства СССР в Афганистане «Внутренняя и внешняя политика Афганистана в 1939 г. и первой половине 1940 г.» – АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 12, д. 123, л. 39- Секретариат Наркома т. В.М. Молотова, д. № 020-АФ. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.
6. См.: Кузнец Ю.Л. Мародеры выходят из игры. М., 1992 г.; его же. Тегеран-43. М., 2003 г.; Тихонов Ю.Н. Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера. М., 2003 г.; его же. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.
7. Запись беседы Посла СССР в Афганистане К.А. Михайлова с посланником Италии в Афганистане П. Кварони от 8 апреля 1941 г. АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 9, д. 103, т. 1, л. 101-НКВД СССР. Секретариат т. В.М. Молотова. 1941 г. Дело Аф. – 021. Записи бесед посла СССР в Афганистане.
8. Характеристика на германского посланника в Кабуле Ганса Пильгера, составленная Послом СССР в Афганистане К.А. Михайловым - Документ № 170/1520 от 23 мая 1942 г., стр. 3. «Рассекречено» Служба внешней разведки» РФ.
9. Шифротелеграмма из посольства СССР в Афганистане от 29 июня 1942 г. в адрес НКВД СССР. 10-ый отдел, инвент. № 2517, п. 370, т. 2, л. 94.
10. Новые документы о деятельности разведок стран «оси» в Афганистане в годы Второй мировой войны //Новая и новейшая история. № 5. 2001. С. 94.
11. Стенограмма протокола допроса бывшего немецкого посланника в Афганистане Г. Пильгера от 31 января 1946 г., стр. 22. «Рассекречено» Служба внешней разведки – 10.
12. Шифротелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 29 июня 1942 г. НКВД СССР – Кабул. Входящие шифротелеграммы за 1942 г. НКВД СССР 10-ый отдел, инвент. № 2517, п. 370, т. 2, л. 94.
13. Стенограмма протокола допроса бывшего помощника коммерческого атташе германской дипломатической миссии в Кабуле А. Цугенбюллера от 20 и 24 сентября 1945 г., стр. 8-9. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.
14. Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 202-203.
15. Вербальная нота № 834/410 МИД Афганистана от 13 августа 1941 г. Ноты МИД Афганистана Посольству СССР в Афганистане. АВП РФ, оп. 28, пор. № 11, инв. № 014, п. 39, л. 243.
16. Шифротелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 16 апреля 1944 г. в адрес НКВД СССР – Кабул. Входящие шифротелеграммы за 1944 г. 10-ый отдел НКВД СССР. Папка № 1, Дело № 230 за 1944 г., инвент. № 5814, п. 37, л. 226.
17. Шифротелеграммы из Посольства СССР в Афганистане от 24 и 25 июня 1941 г. в адрес НКВД СССР – Кабул. Входящие шифротелеграммы за 1941 г. Инвент. № 2383, п. 349, т. 1, л. 148-149.
18. Шифротелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 3 июля 1941 г. в адрес НКВД СССР – Там же, л. 165.
19. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В.М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 27 июня 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 47-49.
20. Записи бесед Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 8 и 10 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 122-123; 129-132.
21. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В.М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 18 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 169.
22. Запись беседы Председателя Совета Народных комиссаров И.В. Сталина с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 8 июля 1941 г. – Документы внешней политики СССР М., 2000. Т. XXIV. С. 122.
23. Документ № 3 «Донесение Ф. Брандта в Берлин от 7 февраля 1942 г.», представленный в приложении к книге Ю.Н. Тихонова «Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера». М., 2003. С. 280-281.

■ 2012 – Год российской истории

24. Шифротелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 24 июля 1941 г. в адрес НКВД СССР – Кабул. Входящие шифротелеграммы за 1941 г., инвент. № 2383, п. 349, т. 1, л. 181.
 25. Стенограмма протокола допроса бывшего посланника фашистской Германии в Афганистане Г. Пильгера от 1 ноября 1945 г. стр. 4 – «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.
 26. Памятная записка Посольства Великобритании в СССР, врученная наркому Иностранных Дел СССР В.М. Молотову 20 июля 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000 г. т. XXIV. С. 574.
 27. Там же. С. 575-576
 28. Там же. С. 575
 29. Доклад Посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г. – начало 1942 г.» - АВП РФ, ф.06, 1942 г. оп. 4, п. 16, д. 161 л. 21 – Секретариат т. В.М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.
 30. Шифротелеграмма из Посольства СССР в Афганистане от 24 июня 1941 г. в адрес НКВД СССР – Кабул. Входящие шифротелеграммы за 1941 г. Особый архив НКВД СССР, инвент. № 2383, п. 349, т. 1, л. 147.
 31. Доклад посольства СССР в Афганистане «О внешней политике афганского правительства в 1941 г.- начале 1942 г.». АВП РФ ф. 06, 1942 г. оп. 4, п. 16, д. 161, л. 16, 24 – Секретариат т. В.М. Молотова. Афганистан. Письма, полученные из Посольства СССР в Афганистане.
 32. Там же л.2.
 33. Там же л. 14.
 34. Там же л. 14-15.
 35. Подробнее см: Нота Правительства СССР правительству Ирана 25 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 256-260.
 36. Телеграмма германской миссии в Кабуле от 4 августа 1941 г. в адрес МИД Германии. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.
 37. Справка «Из Кабула спец. № 153-152» от 24 марта 1942 г. ,стр. 1. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.
 38. Служба внешней разведки Российской Федерации. Ветераны внешней разведки России (Краткий биографический справочник). М., 1995. С. 10-11.
 39. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР В.М. Молотова с Послом Великобритании в СССР С. Криппсом 5 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 219.
 40. Телеграмма Посла СССР в Великобритании И.М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР 27 августа 1941 г. Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XXIV. С. 264.
 41. Заключение по существу беседы между Послом СССР в Афганистане т. К.А. Михайловым и английским военным атташе Ланкастером от 23 марта 1942 г., стр. 2. «Рассекречено». Служба внешней разведки РФ-10.
 42. Шифротелеграмма в немецкое посольство в Кабуле из Берлина, 30 августа 1941 г., выдержка из донесения «Замана», сентябрь 1941 г. – см.: Приложение II – Документ № 4, Приложение III – Документ № 3 в кн. Ю.Н. Тихонова «Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера». М., 2003. С. 282-283, 330-333.
-